Изъ исторіи Уфимскаго края.

1. Уфимскій край въ концѣ XVI и въ XVII в. [1])

Вторая половина 16 столѣтія въ исторіи русскаго народа отмѣчена чрезвычайно интенсивной колонизаціей окраинъ Московскаго государства. Главнымъ мѣстомъ, куда направлялось колонизаціонное движеніе, были южныя и восточныя области государства, по верховьямъ рѣкъ Дона, Оки и Камы. Причиной этого обстоятельства, какъ выясняетъ современная историческая наука, являлась необходимость защищать границы государства отъ кочевыхъ татарскихъ ордъ (колонизація правительственная) и недостатокъ свободныхъ земель въ центрѣ государства (колонизація частная). Первое обстоятельство побуждало правительство строить окраинные города, а оскудѣніе земель въ центрѣ побуждало наболѣе предпріимчивыхъ и энергичныхъ людей занимать, хотя и съ извѣстнымъ рискомъ, земли на восточной и южной границахъ государства, гдѣ вслѣдствіе залегавшаго прекраснаго чернозема для земледѣльческаго труда открывался широкій просторъ.

Разумѣется, чѣмъ болѣе размножалось населеніе Московскаго госуства, тѣмъ болѣе, при слабой земледѣльческой культурѣ, нужно было свободныхъ земель. Восточная окраина Московскаго государства (земли по средней Волгѣ и Камѣ) открылась для русскаго колониста только во второй половинѣ XVI вѣка. Въ связи съ колонизаціей Поволожья въ это время становится ареной историческихъ событій мало дотолѣ извѣстный Уфимскій край,—въ предѣлахъ теперешней Уфимской, а частію Самарской, Пермской и Оренбургской губерній. Богатый, плодородный, съ хорошимъ климатомъ и великолѣпной почвой, обильный лѣсами и прорѣзываемый двумя рѣками—Бѣлой и Уфой, Уфимскій край издавна привлекалъ къ себѣ самое разнообразное населеніе. Этнографическая карта Уфимскаго края, населеннаго русскими, башкирами, татарами, чувашами,

---

[1]) Матеріаломъ при составленіи даннаго очерка, кромѣ указанныхъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ источниковъ и пособій, служили еще двѣ рукописи неизвѣстныхъ авторовъ, находящіяся въ „Матеріалахъ для исторіи Уфы“ Д. С. Волкова, хранящихся въ Уфим. город. библіотекѣ. Указываемыя ниже въ примѣчаніяхъ цитаты изъ „Матер. для Исторіи Уфы“ Д. С. Волкова берутся, главнымъ образомъ, изъ III гл. соотвѣтствующаго тома этого собранія.

тептярями, мещеряками, черемисами, вотяками и другими народностями, представляетъ довольно пеструю смѣсь племенъ, объединенныхъ общностью экономической и политической жизни и разнствующихъ укладомъ быта, особенностями духовной культуры и историческимъ прошлымъ.

При такихъ условіяхъ прошлая жизнь Уфимскаго края преставляетъ чрезвычайно сложную, если можно такъ выразиться, узорчатую ткань, на которой съ большимъ трудомъ исторіей выведены руководящія линіи и указано основное соотношеніе различныхъ фигуръ.

Русскому народу въ этомъ краѣ опредѣлено было судьбою выступить въ качествѣ народа-цивилизатора, привить начала гражданственности и культуры дикому туземному населенію и повести инородческіе элементы по пути прогресса. Такая роль русскаго населенія въ краѣ вытекала изъ общихъ условій исторической жизни. Вслѣдствіе историческихъ комбинацій и географическихъ условій, Россія должна была принять на себя рѣшеніе трудной міровой задачи по отношенію къ тюрско-татарскимъ племенамъ: сначала ей пришлось быть оплотомъ европейской цивилизаціи отъ мусульманскаго фанатизма и восточнаго варварства, а потомъ она же явилась и насадительницей европейской культуры среди этихъ варваровъ и провозвѣстницей евангельскаго ученія, въ духѣ Св. православной церкви [1]. Цивилизаторская роль въ краѣ для русскаго населенія была чрезвычайно тяжелой, но не безплодной: мало-по-малу кочующіе инородцы переходятъ къ осѣдлости, совершается какъ бы этнографическая кристаллизація своего рода, при чемъ инородческое населеніе края, располагаясь вблизи русскихъ, вступаетъ въ тѣсное культурное общеніе съ ними, и край выходитъ изъ дикаго состоянія на путь обще-европейскаго развитія. Фактъ этотъ заслуживаетъ вниманія не только съ точки зрѣнія Русской исторіи, но и со всемірно исторической точки зрѣнія, какъ одинъ изъ моментовъ распространенія европейской цивилизаціи среди восточно-азіатскихъ народностей.

Исторія Уфимскаго края, съ момента появленія въ немъ русскаго населенія (во второй половинѣ 16 вѣка) и до настоящаго времени, можетъ быть раздѣлена, на основаніи внутреннихъ признаковъ (явленій въ сферѣ жизни политической, экономической и культурно-бытовой), на слѣдующіе четыре періода:

1. Періодъ первоначальнаго заселенія края въ эпоху воеводскаго управленія со 2-й половины 16 до конца XVII вѣка.

2. Періодъ экономическаго, торговаго и промышленнаго развитія края при намѣстническомъ управленіи и въ эпоху преемниковъ Петра Великаго (1-я половина XVIII в.).

3. Періодъ волненій и наибольшаго распространенія въ краѣ обще-русскихъ административныхъ и сословныхъ учрежденій при имп. Екатеринѣ II и ея преемникахъ (2-я половина XVIII в. и начало XIX вѣка).

4. Періодъ проведенія въ жизнь реформъ Императора Александра II (2-я половина XIX в.).

---

[1] Н. В. Витебскій. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край, стр. 118. Вып. I.

Изъ этихъ періодовъ особенно важное значеніе въ жизни края имѣли I и II періоды его историческаго существованія.

Первый періодъ въ исторіи Уфимскаго края, обнимающій 2-ю половину XVI вѣка и почти весь XVII вѣкъ, былъ преимущественно временемъ первоначальнаго заселенія края. Къ сожалѣнію, этотъ періодъ въ исторіи Уфимскаго края очень слабо освѣщенъ историческими источниками, вслѣдствіе чего онъ представляется настолько смутно, что на исторической аренѣ кажутся движущимися не ясныя опредѣленныя и живыя фигуры, а какіе-то силуэты и тѣни.

Русскій народъ въ Уфимскомъ краѣ становится замѣтнымъ лишь съ момента основанія г. Уфы, ставшаго опорнымъ пунктомъ въ этой мѣстности русской колонизаціи. Вотъ почему, обозрѣвая исторію Уфимскаго края въ первый періодъ его историческаго существованія, необходимо, хотя поверхностно, коснуться исторіи г. Уфы именно за этотъ періодъ. Въ теченіе своего многовѣковаго существованія г. Уфа всегда являлся центромъ Башкиріи, какъ бы сердцемъ ея, гдѣ находили отраженіе важнѣйшія переживанія мѣстнаго края. Г. Уфа въ это время не переставалъ быть и русскимъ городомъ, такъ что перемѣны, происходившія въ жизни всего русскаго народа, отразились и на населеніи города Уфы, измѣняясь въ ту или иную сторону, въ зависимости отъ чисто мѣстныхъ условій. Съ этой точки зрѣнія г. Уфа XVI - XVII в.в. представляетъ картину типичнаго развитія городской жизни на восточной окраинѣ Московскаго государства, являясь, такимъ образомъ, мѣстомъ встрѣчи и пересѣченія интересовъ обще государственныхъ и мѣстныхъ, краевыхъ. Основаніе города Уфы, какъ можно съ вѣроятностью полагать, послѣдовало весною 1586 года [1]). Цѣль основанія города Уфы вполнѣ понятна. Завоеваніе Казанскаго царства и Сибири при Іоаннѣ Грозномъ открыло для русскаго вліянія Пріуральскій край и Заволжье (по Камѣ и Бѣлой). Новыя пріобрѣтенія Московскаго государства необходимо было закрѣпить и вотъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ (въ правленіе Бориса Годунова) строится цѣлая линія укрѣпленій, цѣль которыхъ удержать подъ русской властью эти мѣстности. Въ ряду этихъ крѣпостей видное мѣсто принадлежитъ и Уфѣ. Московское правительство признало необходимымъ на нынѣшнемъ мѣстѣ города Уфы основать твердыню, которая служила бы перепутьемъ въ Сибирь, охраняя проходъ за Уралъ партій переселенцевъ [2]). Не думая въ виду представлявшихся большихъ экономическихъ выгодъ оставлять Сибирь, Московское правительство посредствомъ военной силы стремилось

---

[1]) По вопросу о времени и обстоятельствахъ основанія города Уфы существуютъ различныя мнѣнія. Рычковъ (Топограф. Оренбург. губ., стр. 371) по этому поводу высказываетъ такое соображеніе: „По достовѣрнымъ выправкамъ нашлось, что башкиры о построеніи сего города челобитье свое имѣли въ 7081 (т. е. по Рожд. Христ. 1573 г.) не только для того, чтобы имъ положенный на ихъ ясакъ тукъ, какъ внутри ихъ жилищъ платить бы вольготнѣе, но и отъ непріятелей имѣть убѣжище и защиту". Подобная просьба башкиръ не представляется несогласной съ тогдашними обстоятельствами. Карамзинъ полагаетъ, что Самара и Уфа основаны весной 1586 г. (Ист., X т., 40 прим.).

[2]) Замѣтимъ здѣсь, что и въ настоящее время Уфа лишена значенія, какъ передаточный пунктъ переселенцевъ, направляющихся изъ центральной Россіи въ Южную и Западную Сибирь.

установить тѣсное общеніе далекой азіатской области съ центромъ. Что при построеніи Уфы имѣлась въ виду именно эта цѣль, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ между прочимъ хронологія застройки остроговъ за Ураломъ: 1586 г.—Тюмень, 1587 Сургуча и Березова, 1594—Тары, 1595—Нарыма и Кетска, 1598—Верхотурья. Съ 1600 по 1620 г.г. шла застройка остроговъ по Енисею и Томи, укрѣплявшихъ за русскими обладаніе вновь занятою территоріею.

Съ паденіемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ, жизненныя силы приволжскаго мусульманства отхлынули за Каму и нашли себѣ пріютъ на Юго-востокѣ, въ степяхъ и лѣсахъ далекой Башкиріи. Туда же потянулись съ береговъ Волги и тѣ враждебные Московскому государству элементы инородческаго населенія, которые не могли примириться съ новымъ порядкомъ вещей, наступившимъ вслѣдъ за покореніемъ Казани. Такимъ образомъ Башкирія сдѣлалась центромъ борьбы съ Русью мусульманского міра, вынужденнаго отступить съ Волги [1]).

Нужно, однако, замѣтить, что при построеніи Уфы имѣлось въ виду не только упрочить обладаніе Сибирью, но и замирить Прикамскій край, что имѣло для Московскаго гусударства громадное значеніе. Съ паденіемъ Казани (1552 г.) башкиры сами добровольно принимаютъ русское подданство, обязавшись ежегодно вносить въ казну небольшой ясакъ, состоявшій изъ батмана меда въ 90 коп. и лисицы въ 80 коп. или куницы въ 40 коп. съ каждаго двора [2]). Это было вполнѣ естественно, такъ какъ Башкирія, населенная отчасти инородцами финскаго происхожденія (черемисы, мордва, чуваши) и, главнымъ же образомъ, соплеменными киргизамъ татарами и башкирами, входила въ составъ Казанскаго царства

Г. Уфа, по словамъ Перетятковича, былъ основанъ одновременно съ Самарой. Его построили для защиты отъ Нагайскихъ нападеній на башкиръ и на прикамскія страны [3]). Основаніе въ центрѣ Башкиріи укрѣпленнаго пункта, подъ защитой котораго легко могла совершаться русская колонизація являлось, конечно, крайне нежелательнымъ для степныхъ кочевниковъ. Ногаи, въ зависимости отъ которыхъ въ описываемое время находились башкиры, съ ужасомъ смотрѣли на возникновеніе крѣпостей, съ которыми степняку ничего не сдѣлать, и по мѣрѣ возможности старались препятствовать этимъ мѣропріятіямъ русскаго правительства. Въ дѣлахъ Подольскаго Приказа сохранилось любопытное письмо князя Федора

---

[1]) Впрочемъ, г. Уфа былъ не только центромъ борьбы, но и мѣстомъ мирныхъ сношеній до основанія Оренбурга между центральнымъ Московскимъ правительствомъ и разными азіатскими владѣтелями. Бухарскіе, Зюнгарскіе, Калмыцкіе и Сибирскіе князья и ханы большею частью отправляли свои посольства къ Уфимскому воеводѣ и черезъ него вели переговоры съ Москвоѣ; лишь немногіе изъ этихъ посольствъ получали разрѣшеніе двинуться изъ Уфы далѣе и допускались въ Москву (см. матеріалы Волкова).

[2]) Витевскій. Неплюевъ и Оренбургскій край, стр. 127. Съ того времени, какъ русскій царь принялъ башкиръ подъ свою „высокую руку"—Башкирія, по преимуществу мѣстность теперешней Уфимской губерніи, и вошла въ составъ территоріи русскаго государства".

[3]) Поволожье въ XV—XVIII вѣкахъ. Перетятковичъ, стр. 314, примѣч. (Арх. Мин. Иностранныхъ Дѣлъ. Крымскія дѣла 1586—1587 г.г., сент.—декабрь, л. 11, 13, 36).

Лобанова-Ростовскаго къ Государю Θеодору Іоанновичу, въ которомъ онъ, сообщая весной 1586 г. о посольствѣ ногайскаго князя Уруса, доноситъ: „Пишетъ, Государь, Урусъ князь, чтобы твоимъ Государевымъ городамъ на Уфѣ и на Самарѣ впередъ не быти". Ногайскій князь и въ 1590-хъ годахъ настаивалъ на подобномъ же требованіи, но его притязанія успѣха не имѣли,—и г. Уфа продолжалъ существовать [1]).

Что же представлялъ г. Уфа въ первый періодъ своего историческаго существованія? Къ сожалѣнію, какъ уже замѣчено выше, объ Уфѣ этого времени сохранилось чрезвычайно мало свѣдѣній въ историческихъ актахъ; но на основаніи нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній въ грамотахъ на помѣстья, разрядныхъ и переписныхъ книгахъ, а также по аналогіи съ другими городами Московскаго государства и при помощи, такъ сказать, ретроспективныхъ умозаключеній, все-таки можно нарисовать слѣдующую картину жизни Уфы въ означенный періодъ. Первоначально на мѣстѣ Уфы стоялъ небольшой острогъ съ палисадомъ по крутымъ скатамъ возвышенности, составляющей средину полуострова, образованнаго теченіемъ рѣкъ Бѣлой и Сутолоки. Первое укрѣпленіе на Уфѣ строилъ воевода Иванъ Нагой въ 1574 г. Всякій разъ, задумавъ строить новый городъ, Московское Правительство посылало сначала знающихъ людей осмотрѣть мѣстность и опредѣлить, гдѣ удобнѣе поставить городъ, гдѣ быть засѣкамъ, забоямъ. Посланные дѣлали съемку мѣстности, представляли чертежи въ Москву. Здѣсь внимательно разсматривали планы и потомъ только посылали кого-либо изъ чиновныхъ людей. Строить городъ и укрѣпленія около него. Затѣмъ сюда назначался особый воевода, который завѣдывалъ всѣмъ управленіемъ крѣпости и былъ главнымъ военнымъ начальникомъ этого округа. Воевода ежегодно посылалъ въ Москву вѣдомости о состояніи укрѣпленій и запасовъ. Въ Москвѣ зорко слѣдили по этимъ воеводскимъ вѣдомостямъ, чтобы укрѣпленія были въ порядкѣ и достаточно снабжались военными и съѣстными припасами, дабы всегда можно было положиться на ихъ стѣны и гарнизонъ (Князьковъ).

Уфимскій острогъ сначала былъ исключительно военнымъ пунктомъ, населеннымъ стрѣльцами, присылавшимися въ Уфу, подъ командой стрѣлецкихъ головъ для „годованья". Сначала, такимъ образомъ, г. Уфа былъ только сторожевымъ постомъ Московскаго государства, состоявшимъ до начала 17 вѣка въ Верхотурскомъ уѣздѣ. Съ 1592—1594 г.г. Уфа становится уже пунктомъ осѣдлости,—центромъ, откуда начинается заселеніе русскими башкирскаго края. Какъ показываютъ переписныя книги по Уфимскому уѣзду, въ 7100 (1592 г.) и 7102 (1594 г.) послѣдовало здѣсь первое испомѣщеніе служилыхъ людей съ надѣленіемъ ихъ помѣстными окладами. При началѣ „верстанія" (надѣленія служилыхъ людей землей) помѣстьемъ на Уфѣ дворянъ, низшій окладъ положенъ въ 7 четей (четверт. десятины). Съ этимъ окладомъ пашни записанъ толмачъ новокрещенъ Кондрашка Кузьминъ Сокуровъ, подлѣ новокрещеннаго же

---

[1]) Дѣла Астраханскія въ Московскомъ Архивѣ Мин. иностр. дѣлъ: Карамз. Ист. г. Р. Х. т., 40, примѣч.

Рудака Федорова, по Сибирской дорогѣ на „великомъ полѣ — сѣнные покосы на 30 копенъ, около пашни, за рѣкою Бѣлою Воложкою, противъ города, да въ деревнѣ Шугуровѣ, противъ Усаду, распашныя земли, по 5 четей въ полѣ" [1]). Однако, населеніе изъ служилыхъ людей, надѣленныхъ помѣстьями, увеличивалось чрезвычайно медленно вокругъ Уфы, доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что десятни края [2]), какъ видно изъ царской грамоты 7159 (1651), появляются въ Московскомъ помѣстномъ приказѣ только съ 1650 — 1651 г.г. [3])

При слабомъ и медленномъ увеличеніи въ Уфимскомъ острогѣ служилаго элемента, конечно, слабо развивался и посадъ, мало росло и посадское населеніе, которое могло жить только подъ защитой служилыхъ людей. Населенію г. Уфы въ первое время его существованія приходилось безпрерывно вести борьбу съ кочевавшими въ степи ногаями, калмыками и башкирами. Изъ дворовыхъ десятней XVII вѣка (Гл. арх. мин. юстиціи) видно, что почти всѣ старыя фамиліи Уфимскихъ дворянъ въ числѣ своихъ членовъ имѣли множество раненыхъ и убитыхъ въ сраженіяхъ, и что въ г. Уфѣ вообще вдовьи дворы составляли чуть не половину всего городского служилаго населенія. Еще въ половинѣ XVIII вѣка въ Уфѣ хранилась золотая книга, въ которую записаны были Уфимцы, жалованные золотыми деньгами за воинскіе подвиги, между прочимъ за разбитіе и взятіе въ плѣнъ сибирскихъ царевичей [4]).

Изъ жалованной грамоты стрѣлецкому сотнику Фирсу Александрову Аничкову видно, что Уфу въ 1607 году осаждали калмыки, но „промысломъ его, Фирса, многіе непріятельскіе калмыцкіе люди" подъ городомъ Уфой побиты [5]). Калмыцкіе люди, нападавшіе на Уфу, думали, очевидно, воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ города, который мало могъ разсчитывать на поддержку центральнаго правительства, такъ какъ въ Московскомъ государствѣ началась „велика разруха", — смутное время. Однако, въ смутное время, при Шуйскомъ и въ междуцарствіе Уфа съ Казанью, Пермью и Сибирскими городами, не принимая самозванцевъ, была на сторонѣ законнаго государя. Волненія въ краѣ, начиная съ конца XVI в., продолжаются около двухъ вѣковъ съ небольшими промежутками. Въ XVII ст. башкирскіе бунты были въ 1584, 1645, 1622, 1664, 1677, 1680 и 1683 г.г. [6]). Самый городъ Уфа подвергался не разъ опасности отъ нападеній инородцевъ и не только при началѣ своего существованія, но и въ послѣдующія времена. Такъ, въ 1635 г. приходили подъ Уфу калмыцкіе царевичи Албай и Пявка; въ 1640 г. приходъ калмыцкихъ людей повторился. Какъ показываютъ документы Уфимскихъ дворянскихъ

[1]) Изъ прошлаго русской земли, стр. 356. Сибир. гор. Разр. кн., т. I, стр. 662—3. Изъ матер. Волкова

[2]) Десятни — правительственныя книги Московск. государства XVII в. съ исчисленіемъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и новиковъ и съ обозначеніемъ оклада каждаго.

[3]) Новиковъ. „Сборникъ матеріаловъ по исторіи Уфимскаго дворянства", стр. 19. Ср. „Матеріалы по исторіи Уфы" Д. С. Волкова.

[4]) Рычковъ „Топографія Оренбург. губерніи", ч. I, стр. 87.

[5]) „Арх. д. деп. герольд. объ Аничковыхъ". Изъ матеріаловъ Д. С. Волкова.

[6]) В. Витевскій, стр. 131.

родовъ, при всякихъ волненіяхъ въ краѣ приходилось высылать изъ Уфы ратную силу изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, казаковъ и др. [1]). Даже и въ болѣе позднія времена г. Уфа былъ довольно опаснымъ въ отношеніи военной охраны пунктомъ, и Московское правительство очень внимательно наблюдало за состояніемъ Уфимскаго гарнизона, какъ это видно изъ инструкціи, данной стрѣлецкому головѣ Гладышеву: „Лѣта 7177 (1669) марта въ .. государеву цареву и вели . . Алексѣя Михайловича всея вели . . . и малыя и бѣлыя Россіи самодержца указу велѣно Дмитрію Артемьевичу Гладышеву . . . чтобъ у него въ приказѣ стрѣльцы по государеву указу были сполна . . . да ему же Дмитрію переписать стрѣлецкіе дворы, которые ставлены государевыми казенными деньгами . . . по тѣмъ спискамъ пересмотрѣти сотниковъ и стрѣльцовъ спищальми всѣхъ на лицо да будетъ стрѣльцы противъ государева указу не сполна и Дмитрію тѣхъ стрѣльцовъ прибрати . . . прибрать въ стрѣльцы добрыхъ и молодыхъ извольныхъ людей, которые бъ были не воры и испищалей стрѣлять были горазды и государева низовая служба была имъ за обычай а будетъ гдѣ . . . доведетца ему Дмитрію съ стрѣльцами быть на государевой службѣ или ево приказъ сотникамъ съ стрѣльцы и Дмитрію имать ссобою сотники посылать стрѣльцовъ самихъ головами своими . . .“ [2]).

По воцареніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова, когда приходилось бороться съ шайками поляковъ и казаковъ войска Заруцкаго, Уфа легко могла быть вовлечена въ круговоротъ событій, почему пересылали сюда изъ Казани наказы относительно общихъ мѣропріятій противъ бунтовщиковъ [3]).

Начиная съ царствованія Михаила Ѳеодоровича Романова въ Уфѣ окончательно утверждается воеводское управленіе и съ этого времени, благодаря разряднымъ книгамъ, имена правителей Уфы могутъ быть опредѣлены съ точностью. Эпоха воеводскаго управленія является наиболѣе замѣтной страницей въ исторіи Уфы разсматриваемаго періода. Дѣла по управленію уѣздомъ уфимскіе воеводы рѣшали въ приказныхъ и съѣзжихъ избахъ. Воеводы уфимскіе вѣдали и уфимскій уѣздъ, въ составъ котораго входила вся нынѣшняя Уфимская губернія, большая часть Троицкаго, Верхне-Уральскаго и Челябинскаго уѣздовъ Оренбургской губеніи и Осинскій уѣздъ Пермской губерніи, и были поставлены въ зависимость отъ Казанскаго дворцоваго приказа [4]). Управленіе такимъ окраиннымъ городомъ, какъ Уфа, въ то время, конечно, было трудно. Изъ наказа, даннаго дьяку Родіонову и воеводѣ Сомову, видно, какъ отвѣтственна была должность

---

[1]) Новиковъ. Сборн. матер. 50—51 стр. Указы царя Алексѣя Михаиловича Уф. воеводѣ Кондыреву. Ср. Матер. Волкова.

[2]) Матеріалы по исторіи Уфы —Д. С. Волкова, т. IX (въ папкѣ).

[3]) Въ Москвѣ на Уфу въ „смутное время“, очевидно, смотрѣли, какъ на пунктъ, очень надежный и довольно отдаленный, чтобы считать безопасными политически неблагонадежныхъ. Такъ, при царѣ Борисѣ Уфа назначалась мѣстомъ заключенія Ивана Никитича Романова, ссылка котораго потомъ была замѣнена ссылкой въ Нижній-Новгородъ. При Василіи Шуйскомъ Уфа была назначена мѣстомъ ссылки думскаго дьяка Афанасія Власьева, извѣстнаго московскаго дипломата и сторонника Лжедимитрія I.

[4]) Новиковъ, стр. 8.

воеводы въ Уфѣ [1]. Каждый воевода былъ военнымъ начальникомъ въ уѣздѣ и городѣ. Въ его завѣдываніе поступалъ городъ (крѣпость) со всѣми укрѣпленіями, военными снарядами и запасами. Ему подчинены были всѣ служилые люди, дворяне и дѣти боярскія. Въ качествѣ военнаго начальника онъ долженъ былъ наблюдать за хорошимъ состояніемъ городскихъ укрѣпленій, заботиться, чтобы въ городѣ было достаточно всякихъ запасовъ и т. п. Относительно тяглыхъ сословій, какими были люди посадскіе и уѣздные, главною обязанностью воеводы было понуждать къ аккуратному выполненію лежавшихъ на нихъ повинностей [2].

Ростъ Уфимскаго населенія, первоначально только военнаго, по разряднымъ книгамъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ воеводствѣ Ивана Ивановича Чечерина (съ 1625—1628 г.г. [3]) на Уфѣ было: дѣтей боярскихъ 31 ч., новокрещеновъ — 2, слободскихъ татаръ — 3, толмачей — 10, пушкарей — 4, вожаковъ — 1, воротникъ — 1, переводчикъ — 1, литвинъ — 1, нѣмцевъ — 2, черкасъ (малороссовъ-Казаковъ) — 2, съ головою да съ 2 сотниками 218 человѣкъ пѣшихъ стрѣльцовъ. Въ 1629 году въ бытность на Уфѣ воеводы Желябужскаго, говорится о башкирахъ и ихъ службѣ [4]. „Въ Уфимскомъ уѣздѣ ясашныхъ (платящихъ ясакъ—подать) башкиръ 888 человѣкъ, а бываетъ и имъ служба, какъ посылаютъ всѣхъ понизовыхъ (по Волгѣ) городовъ служилыхъ людей въ большую повальную службу, а съ тѣхъ башкирцевъ емлютъ въ тое пору на службу съ 3-хъ дворовъ по человѣку“ [5].

Въ 1634 году, при назначеніи на воеводство Никиты Дмитріевича Вельяминова, численность Уфимскаго гарнизона значительно увеличена. Съ нимъ на смѣну бывшаго отряда прибыло на Уфу 48 человѣкъ дѣтей боярскихъ, съ головою, да съ тремя вмѣсто прежнихъ двухъ сотниками стрѣлецкими (такъ какъ къ обычнымъ 2 сотнямъ пѣшихъ стрѣльцовъ прибавлено еще 100 конныхъ), присланъ второй переводчикъ съ 9 толмачами, число же новокрещеновъ (инородцевъ, принявшихъ христіанство) доведено до 13 человѣкъ, а сверхъ того прислано 3 человѣка черкасъ (малороссовъ-казаковъ) и четверо пушкарей. Въ это же время указано въ Уфѣ „воротниковъ и сторожей и дѣловыхъ людей“ (плотниковъ, столяровъ, каменьщиковъ и т. п.) 42 человѣка и посадскихъ 9 человѣкъ [6].

Упоминаніе впервые о посадскихъ людяхъ именно подъ 1634 годъ даетъ возможность предположить, что до этого времени при Уфѣ не было посада, а была одна крѣпость,—острогъ. Появленіе посадскихъ людей не замедлило отразиться на управленіи, усложнивъ составъ администраціи. Воевода Вельяминовъ имѣетъ при себѣ уже воеводскую канцелярію, потому что въ разрядѣ, при отозваніи его, говорится о смѣнѣ бывшаго при немъ подъячаго Пахома Лучникова, очевидно, какъ правителя приказныхъ

---

1) Ibid., стр. 149.
2) Романовскій. Государств. Учрежденія, стр. 418—420.
3) Разр. кн., т. I, стр. 28, см. Матер. Д. С. Волкова.
4) Разряд. кн., т. II, 192 стр.—ibid.
5) Разряд. кн., т. II, стр. 192. Матер. Д. С. Волкова, ср. Новикова. Сборн. Матер., стр. 11.
6) Рукопись неизв. авт. въ Матер. Д. С. Волкова, стр. 45.

уже дѣлъ. Въ 1635 году въ разрядной книгѣ написано [1]: „на Уфу же послано по калмыцкимъ вѣстямъ, изъ Казани, (подъ вѣдѣніемъ которой находилась въ то время Уфа) дворянъ и дѣтей боярскихъ 84 ч., литвы и черкасъ 40 ч., стрѣльцовъ 200 ч. Велѣно имъ на Уфѣ быти до тѣхъ мѣсть, покамѣста про воинскихъ людей вѣсти минуюца, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и литвѣ и черкасамъ, перемѣня же въ три перемѣны". Такимъ образомъ на Уфѣ въ 1635 году сосредоточено было 702 человѣка. Если же къ этому числу военныхъ людей присоединить 888 чел. башкирцевъ, то получится довольно внушительная сила,—до 1590 человѣкъ, хорошо вооруженныхъ, что въ тѣ времена составляло очень сильный гарнизонъ, способный не только обороняться, но и предпринимать наступательныя дѣйствія противъ кочевниковъ-степняковъ.

Въ половинѣ XVII вѣка русское правительство очень часто безпокоили калмыки, бродившіе по восточной окраинѣ Московскаго государства. Благодаря близости калмыковъ, и между башкирами находились охотники похищничать, но со стороны русскихъ эти мятежники всегда встрѣчали отпоръ. Русскіе ратные люди, побѣждая ихъ, несмотря на разсѣянность ихъ на обширномъ пространствѣ, добились того, что въ 1663 году башкиры ногайской и башкирской дорогъ просили уфимскаго воеводу, князя Волконскаго, опять принять ихъ „подъ высокую руку" Великаго Государя въ вѣчное подданство, но чтобы только ихъ аманаты (заложники) были переведены изъ Казани на Уфу и чтобы ихъ обнадежили государевой милостью. Послы башкиръ, отправленные послѣ этого въ Москву „шертовать" (давать клятву въ вѣрности), отъ самого Государя получили жалованную грамоту на русскомъ и татарскомъ языкахъ. Въ Уфѣ имъ обѣщали, что обидъ отъ служилыхъ и торговыхъ людей впредь имъ не будетъ, а съ вотчинъ ихъ никто ничѣмъ владѣть не станетъ [2]. Такимъ образомъ изъ Казани, какъ центральнаго административнаго мѣста, высылались въ случаѣ нужды въ Уфу на помощь мѣстному гарнизону стрѣльцы и служилые люди. Между прочимъ въ 1688 г. переселены къ Уфѣ изъ Симбирской губерніи мещеряки и изъ нихъ составлена охрана въ городѣ.

Какъ хорошо укрѣпленный пунктъ, г. Уфа сдѣлался опорнымъ пунктомъ русскаго владычества и колонизаціи въ краѣ. Подъ защитой Уфимскаго острога въ это время свободно могъ расти и посадъ. О состояніи Уфы, какъ городского поселенія, свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя изъ переписныхъ книгъ 1647 года по Казани съ уѣздомъ [3]. Перепись обнимаетъ собственно одинъ посадъ, не касаясь острога. Озаглавлена она такъ: „Лѣта 7155 (1647), февраля 17 дня, по Государеву Цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи и по наказу изъ приказа Казанскаго двора, за приписью дьяка Томилы Перфильева, Левонтія

---

[1]) Разр. кн., т. II, 820 стр. См. Новиковъ. Сборн. Матер., стр. 11.

[2]) Соловьевъ. Ист. Росс., т. XII, стр. 303—304.

[3]) Въ кн. Гл. Арх. Мин. Юстиціи—переписи Высоцкаго и Львова показаны кн. 30 съ л. 137. См. въ Матер. Д. С. Волкова. Рукоп. неизв. автора.

Яковлева Высоцкаго, да подьячій Кузьма Львовъ, писали на Уфѣ, на посадѣ и во всемъ Уфимскомъ уѣздѣ дворы, и во дворехъ люди, по имянамъ съ отцы и съ прозвищи и что по ихъ письму по приправочнымъ книгамъ и сверхъ приправочныхъ книгъ объявилось въ лишкѣ и то писано ниже сего“ и т. д. Въ этой переписи занесены, во-первыхъ, „на Уфѣ, на посадѣ дворы посадскихъ людей, (городскихъ домовладѣльцевъ, имѣвшихъ свои дворы), всего (по книгѣ) посадскихъ 17 дворовъ, а людей въ нихъ съ гулящими 78 человѣкъ... А въ другой сказкѣ всѣхъ посадскихъ людей за рукою написано, что онѣ дворовъ своихъ не обводили и людей не таили, а писали въ правду“. При описаніи указано имя домовладѣльца (или квартиро-нанимателя), его семья, захребетники (не имѣвшіе собственнаго хозяйства и жившіе при чужомъ дворѣ) и гулящіе люди (люди безъ опредѣленнаго положенія въ обществѣ), при чемъ иногда имѣется помѣтка о принадлежности ко двору „пришлаго татарина“. Послѣ посадскихъ тяглыхъ, писаны нетяглые дворы дворянскіе [1]. „На Уфѣ на посадѣ Уфимцевъ дворянъ и дѣтей боярскихъ дворы поставлены на пріѣздѣ и на тѣхъ дворахъ дворники гулящіе люди (слѣдуетъ перечисленіе дворовъ дворянъ)“. Всего дворянскихъ дворовъ на посадѣ было 11 и при нихъ дворниковъ (изъ гулящихъ людей) 27 чел. Кромѣ посадскихъ и дворянъ, въ переписной книгѣ упоминаются въ качествѣ третьяго элемента городского населенія новокрещены изъ мѣстныхъ инородцевъ и полоцкой шляхты [2]. Въ описи указано: „На Уфѣ, на посадѣ, живутъ новокрещены. И всего на посадѣ новокрещеновъ иноземцевъ 26 дворовъ, а людей въ нихъ (съ дѣтьми) 69 человѣкъ. Въ описи кромѣ того упомянуто: „На посадѣ разныхъ людей дворы. Съѣзжей [3] избы подьячей (Левъ Герасимовъ), пушкарь Никита Лукьяновъ съ дѣтьми, пушкарь Иванъ Семеновъ, ружной мельникъ Федоръ Никитинъ“. Всего 4 двора, въ нихъ 7 человѣкъ. Затѣмъ въ описи значатся еще „за Сутолокскими вороты“ дворы государевы дѣловыхъ людей (плотниковъ, каменьщиковъ, кузнецовъ), вмѣстѣ съ тѣми, которые жили на государевомъ конюшенномъ дворѣ составляли: всего дѣловыхъ людей 8 дворовъ, и съ тѣми, что на конюшенномъ дворѣ,—25 ч. (Дѣловые государевы люди—часть дворцоваго имущества, какъ бы царскія регаліи въ отношеніи мѣстнаго населенія). Въ концѣ описи даются итоги: „А всего на Уфѣ въ городѣ, на посадѣ и за городомъ (Старая Уфа) и на пріѣздѣ дворовъ дворянъ и прочихъ 66 дворовъ и людей 206 ч.“, кромѣ стрѣлецкихъ дворовъ, которые не были переписаны.

---

[1]) Кн. 30 л. 142 на обор. изъ матер. Волкова. Рукопись неизв. автора

[2]) Смоленская и Полоцк. шляхта, отъ которой ведутъ начало многіе дворянскіе роды Уфимской губ., появляется въ Уфѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1656 г., т. е. на другой годъ послѣ взятія Смоленска русскими при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, рота „панцырныхъ“ бояръ была переселена въ Казанск. край на Закамскую линію для прикрытія границъ русскаго государства. Сборн. русск. истор. общества 1879 года, т. XXX, стр. 469—471.

[3]) Мѣсто для съѣзда по дѣламъ къ воеводѣ, нѣчто въ родѣ полицейской управы.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ составъ населенія г. Уфы въ половинѣ XVII вѣка представляется приблизительно въ слѣдующихъ цифрахъ.

1. По даннымъ разрядной книги 1634 г.

Острогъ.

	Чел.
Дѣтей боярскихъ	48
Головъ стрѣлецкихъ	1
Сотниковъ	3
Переводчиковъ	2
Толмачей	9
Новокрещеновъ и татаръ	13
Воротниковъ, сторожей и дѣловыхъ людей	42
Черкасъ (малоросс. каз.)	13
Стрѣльцовъ пѣшихъ	200
„ конныхъ	100
Итого	431 ч
Служилыхъ башкиръ	888 ч.
Всего	1319 ч.

2. По даннымъ переписной книжки 1647 г.

Посадъ.

	Дворовъ.	Людей въ нихъ.
Посадскихъ	17	78
Дворянскихъ	11	27
Новокрещеновъ (иноземцевъ изъ мѣстныхъ инороцевъ, смоленской и польской шляхты)	26	69
Разныхъ (подъячій, пушкарь, мельникъ) людей	4	7
Государевыхъ дѣловыхъ людей	8	25
Итого	66 д.	206 л.

Въ этой таблицѣ число служилыхъ людей по разряднымъ книгамъ 1634 г. принято, какъ приблизительно постоянное для даннаго времени. То же самое принято и относительно данныхъ переписной книги 1647 г. Если въ числѣ посадскихъ людей считать только семьи дворянъ (сами дворяне, какъ служилые люди, причислены къ населенію острога) и прибавить къ этому числу семьи стрѣльцовъ (дворы стрѣльцовъ переписаны не были), то въ общей суммѣ (вмѣстѣ со служилыми башкирами, которые во всякомъ случаѣ были близки населенію города) получится число болѣе 1500 ч. (1319 + 206 ч. = 1525 ч. + семьи стрѣльцовъ),—цифра, при общей малонаселенности русскихъ городовъ въ то время, довольно значительная. Принимая во вниманіе это число людей, а также 66 жилыхъ строеній въ посадѣ (дворовъ) и кремль, приходится заключить, что г. Уфа половины 17 вѣка былъ довольно значительнымъ городомъ.

Внѣшній видъ города въ XVII вѣкѣ, на основаніи историческихъ данныхъ, былъ таковъ. Господствующимъ пунктомъ города являлся, конечно, дѣтинецъ (острогъ). Дѣтинецъ находился на возвышенномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ въ настоящее время находится церковь Св. Троицы [1]). Эта церковь является самымъ древнимъ храмомъ въ Уфѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ и самая архитектура храма, построеннаго въ древне-русскомъ

[1]) См. на слѣд. стр. планъ Стар. Уфы, составленный по масштабу послѣдн. изд. плана города.

стилѣ. Мѣстность около нея, представляющая довольно крутую возвышенность въ видѣ небольшой, неправильной формы площади, и была древнимъ кремлемъ. Въ кремлѣ находились всѣ важнѣйшія городскія учрежденія и присутственныя мѣста. Здѣсь была соборная церковь, съѣзжая или приказная изба, гдѣ сидѣлъ воевода, судилъ и рядилъ, казенный

Планъ Старой Уфы.

погребъ, гдѣ хранилась пороховая и пушечная казна, тюрьма, воеводскій дворъ, осадные дворы служилыхъ людей и т. п. Кремль былъ окруженъ палисадомъ и башнями, уничтоженными пожаромъ 1666 года.

Условія мѣстности въ смыслѣ защиты были довольно выгодны. Съ сѣвера на югъ протекала рѣка Сутолока [1]), защищавшая кремль съ во-

[1]) Названіе „Сутолока" состоитъ изъ двухъ ногайско-татарскихъ словъ: Су—вода и тилакъ—бѣшеный. Названіе, указывающее на бурное теченіе рѣки. Хотя Сутолока въ настоящее время ничтожный ручеекъ, но изрытость береговъ оврага, служившаго русломъ этой рѣки, оправдываетъ ея наименованіе. Вѣроятно, истребленіе лѣсовъ по берегамъ Сутолоки повело настоящему обмелѣнію ея.

сточной стороны, а съ юго-запада—крутой подъемъ и рѣка Бѣлая представляла для степняковъ почти непреодолимую преграду. Открытая же сторона этого пространства была защищена особымъ землянымъ валомъ, на существованіе котораго указываютъ многія данныя. Извѣстный дѣятель эпохи Императрицы Екатерины Великой, П. И. Рычковъ, наблюдавшій Уфу въ половинѣ XVIII вѣка, говоря объ удобствахъ мѣстоположенія уфимской крѣпости, добавляетъ слѣдующее: „Для безопасности жителей отъ Башкирцевъ, отъ Калмыцкихъ и Киргизъ-Кайсацкихъ набѣговъ, отъ рѣки Уфы до рѣки Бѣлой верстъ на десять сдѣланъ былъ ровъ, и по немъ стоялъ палисадъ, о срединѣ котораго для проѣзда была одна башня, при которой содержанъ караулъ, и отъ нея во всѣ стороны чинены разъѣзды, и называлось то „Засѣкой", чрезъ что не только г. Уфа, но и все оное окруженіе упомянутыхъ рѣкъ (что верстъ 30 или болѣ сочинитъ) оставались подъ защитою; но нынѣ того палисада и оныхъ разъѣздовъ уже нѣтъ, и ровъ заростаетъ; однако жъ башня на срединѣ того разстоянія понынѣ еще видима, хотя уже весьма обветшала. Нынѣшняго города укрѣпленіе состоитъ изъ деревянной рубленой стѣны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и палисадъ, гдѣ для въѣзда и выѣзда шестеро воротъ, изъ коихъ одни съ пріѣзда изъ Казани называются Казанскія, да по сторонамъ: съ правой, первыя Ильинскія, вторыя Фроловскія, а съ лѣвой Сибирскія, Спасскія и Успенскія; къ рѣкѣ же Бѣлой сдѣланъ былъ палисадомъ съ высокими деревянными башнями замокъ, или кремль, внутри котораго каменная Соборная церковь .. Тутъ же были провинціальная канцелярія, гауптвахта, цейхгаузъ, воеводскій домъ и тюремный острогъ [1])".

Изъ наказа воеводѣ Сомову отъ 1664 года видно, что Уфа была обнесена тыномъ, что въ 1663 году старый городъ и острогъ въ Уфѣ весь недгнилъ и раззалился, и что царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1664 году велѣно устроить въ Уфѣ городъ земляной, или деревянный и городовому строенію прислать роспись въ приказъ казанскаго дворца [2]). Необходимо вспомнить при этомъ, что мысъ, образуемый теченіемъ рѣкъ Уфы и Бѣлой въ прежнее время былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ. Теченіе рѣкъ Бѣлой и Сутолоки образуетъ небольшой треугольникъ, представляющій довольно ровное пространство; самая низменная часть города, въ настоящее время занятая частью Набережной улицы и продолженіемъ Фроловской, частью застроенная лавками или заваленная бревнами и частью открытая, прежде была занята торговымъ рынкомъ и посадомъ (Посадская улица [3]).

Съ размноженіемъ населенія г. Уфа расширился и образовалъ цѣлый рядъ улицъ, изъ которыхъ древними слѣдуетъ признать: 1) Казанскую - отъ первой построенной у дѣтинца церкви во имя Казанскія Божія Матери (улица эта прямо вела съ пріѣзда изъ Казани въ кремль), 2) Ильинскую— отъ Ильинской церкви, 3) Сибирскую, ведшую къ старому Сибирскому

[1]) Рычковъ. Топографія, стр. 374.
[2]) Новиковъ. Сборн. Матер., стр. 7.
[3]) См. планъ Уфы.

тракту, 4) Московскую, названную такъ по имени заселившихъ ее выходцевъ изъ Москвы, 5) Усольскую (въ концѣ которой были соляварни) и другія улицы въ Старой Уфѣ, заселенной ранѣе той части города (новая Уфа), которая расположена по правую сторону моста черезъ Сутолоку. Старая Уфа и доселѣ носитъ отпечатокъ древности, на что указываетъ и распланировка этой части города съ небольшимъ числомъ каменныхъ зданій, ея узкія небольшія улицы, спускающіяся къ р.р Сутолокѣ и Бѣлой.

При слабомъ развитіи городского поселенія, при господствѣ натуральнаго хозяйства, при весьма неудобныхъ путяхъ сообщенія по пустыннымъ и дикимъ мѣстамъ, торговля и промышленность въ Уфѣ развивались чрезвычайно слабо, хотя городъ этотъ и былъ на большой торговой дорогѣ изъ центра государства въ Сибирь. Извѣстно, что Сибирская дорога, проведенная черезъ Кунгуръ на Верхотурье и проходившая черезъ Уфу, въ теченіе всего XVII вѣка была „столбовымъ“ путемъ и закрыта лишь по особой царской грамоты въ 1695 году [1]. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что дорога эта, какъ торговый путь, не могла быть особенно удобной при тогдашнихъ условіяхъ жизни въ краѣ, да къ тому и ѣздить по ней вслѣдствіе высокихъ пошлинъ на заставахъ было не выгодно [2].

Въ разрядныхъ книгахъ 17 в. по Уфѣ встрѣчаются упоминанія о представителяхъ того или иного промысла: винокуры, солевары, мельники, да и подъ категоріей „дѣловыхъ людей“ въ этихъ книгахъ необходимо разумѣть всякихъ ремесленниковъ (плотниковъ, каменьщиковъ, столяровъ, кузнецовъ и т. п. [3]). Эти представители промышленной дѣятельности были въ незначительномъ, ничтожномъ количествѣ. Несомнѣнно, что средства къ существованію жители добывали не торговой и промышленной дѣятельностью, а земледѣліемъ и особенно звѣроловствомъ, охотой, пчеловодствомъ и рыбной ловлей.

Жители города Уфы, какъ и во всѣхъ прочихъ городахъ Московскаго государства, несли опредѣленныя государственныя повинности. Дворяне и дѣти боярскія отбывали эти повинности личной службой, а посадскіе жители несли опредѣленное тягло, денежную повинность. Въ выпискѣ изъ окладныхъ книгъ и сборѣ денегъ на жалованье Московскимъ стрѣльцамъ за 1681 годъ говорится: „а что съ котораго града и уѣзда по гостиному окладу, на дворъ положено, и потому окладу сколько съ котораго города со всѣхъ деревень, по нынѣшнимъ переписнымъ книгамъ взять довелось, о томъ писано ниже: Уфа: 33 двора, 36 рублей 10 алтынъ“ [4]. Уфимскіе служилые люди не только исполняли свои прямыя обязанности (т. е. защищали городъ и усмиряли волненія въ краѣ), но и принимали участіе въ общихъ войнахъ Московскаго государства, бывшихъ въ XVII вѣкѣ [5].

[1]) Акты истор., т. V, стр. 455.

[2]) Костомаровъ. Очерки торговли въ Моск. госуд. въ XVI и XVII в., стр. 314.

[3]) Въ половинѣ XVII в. встрѣчаются въ Уфѣ торговцы изъ мѣстныхъ инородцевъ. Такъ, въ 1658 году съ 25 ноября, какъ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ Моск. главн. архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, дозволено Облай Таймъ торговать въ Уфѣ лошадьми и друг. товарами. Матер. Д. С. Волкова, т. IX. (въ папкѣ).

[4]) Акты археогр. экспед., т. IV, стр. 349.

[5]) Новиковъ, въ прим. 36 и 41 (грамоты).

Само собой понятно, что башкиры платили дань черезъ Уфу. Указанія о размѣрахъ ясака, платимаго башкирами и распоряженія правительства о сборѣ ясака, а также по просьбѣ ясачниковъ и о пониженіи его, встрѣчаются во многихъ царскихъ грамотахъ, присланныхъ въ Уфу. Изъ этихъ грамотъ видно, что ясакъ состоялъ изъ куницъ, меда и денежныхъ взносовъ [1]). Безпрестанныя нападенія башкиръ, калмыковъ и другихъ инородцевъ, сопровождавшіяся часто грабежомъ и разрушеніями, не только препятствовали увеличенію достатка городскихъ жителей, но дѣлали небезопасной даже самую жизнь ихъ.

Въ общемъ городъ Уфа того времени очень мало походилъ на современную Уфу съ ея большими улицами, каменными домами, соборомъ, государственными учрежденіями, парками и шумнымъ торговымъ рынкомъ.

Сводка всѣхъ данныхъ о городѣ Уфѣ въ XVI и XVII в.в. позволяетъ сдѣлать слѣдующіе нелишенные вѣроятія выводы. Это былъ сравнительно небольшой городокъ, какъ военный постъ, воздвигнутый далеко за чертой русской народной осѣдлости и стоявшій довольно изолированно отъ нея. Впереди Уфы, на Югѣ Сибири, а также въ Киргизскихъ степяхъ и вообще по направленію къ Средней Азіи на протяженіи многихъ тысячъ верстъ не было ни одного русскаго человѣка. „Это изолированное положеніе Уфы продолжалось, съ незначительнымъ измѣненіемъ, болѣе 100 лѣтъ. Лишь изрѣдка, иногда черезъ цѣлыя десятилѣтія, Уфа получала подкрѣпленія изъ Москвы и Казани, высылавшихъ по временамъ отряды стрѣльцовъ и боярскихъ дѣтей, которые большею частью и водворялись въ Уфѣ навсегда, сливаясь съ мѣстнымъ населеніемъ" (изъ матер. Волкова). Г. Уфа оставался преимущественно военнымъ до той поры, пока развитіе хозяйственной дѣятельности въ краѣ не превратило его въ культурный центръ. Однако въ дѣлѣ русской колонизаціи въ краѣ г. Уфа сыгралъ громадную роль. Цивилизовать дикій край предстояло, во 1-хъ, православному духовенству, которое должно было просвѣтить дикарей своею проповѣдью, и, во 2-хъ, служилымъ и тяглымъ людямъ, которые разсѣялись на инородческихъ земляхъ и начинали здѣсь вести свое хозяйство въ сосѣдствѣ и при содѣйствіи туземнаго населенія. Первые изъ присланныхъ на Уфу дворянъ и дѣтей боярскихъ получили земли возлѣ города Уфы. Это вполнѣ подтверждается существованіемъ около Уфы селеній, доселѣ сохранившихъ названія, происшедшія отъ фамилій первыхъ владѣльцевъ земель, на которыхъ они возникали, а также—документами Уфим. Двор. Деп. Собр. [2]). Почти вся мѣстность на пространствѣ 30—40 верстъ около города Уфы занята была дворянскими помѣстьями [3]). Боярскія дѣти, дворяне и стрѣльцы, поселенные въ Башкиріи въ первые 1½ вѣка по принятіи ея въ русское подданство, явились и первыми землевладѣльцами въ краѣ, первоначальными обитателями котораго были звѣроловы и кочевники, не имѣвшіе понятія объ осѣдлости и земледѣль-

[1]) См. грамоты царя Михаила Θеодоровича воеводѣ Салтыкову, Θеодора и Петра Алексѣевичей воеводѣ Пушкину и т. д., ibid., стр. 186.

[2]) Сборн. матер. Новикова, стр. 19.

[3]) Ibid, 24 стр.

ческомъ трудѣ. До развитія русскаго землевладѣнія въ краѣ среди башкиръ земледѣліе было неизвѣстно. Объ Уфѣ и краѣ находимъ такое извѣстіе въ книгѣ къ Большому Чертежу: „На Бѣлой воложкѣ, отъ Камы рѣки 120 в., городъ Уфа, а подъ городомъ въ Бѣлую воложку пала рѣка Уфа... А отъ устья рѣки Бѣлыя воложки (въ) верхъ по рѣкѣ по Уфѣ по обѣимъ сторонамъ и до Аральтовы горы и далѣе... все живутъ башкирцы... а кормля ихъ медъ, звѣрь, рыба, а пашни не имѣютъ [1])". Распространеніе русскаго населенія и общеніе его съ туземцами началось съ городского населенія: отсюда же началась и земледѣльческая культура. Окрестности города, т. е. острога и посада, по приведенію въ наличность количества свободной земли, частью назначались подъ дворцовыя починки, а частію шли въ надѣлы служилымъ людямъ привиллегированнаго класса (дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ) для устройства хозяйства и пашни, въ подспорье ограниченному денежному окладу жалованья. Такимъ образомъ, городъ Уфа сталъ очагомъ культурнаго развитія въ краѣ и разсадникомъ цивилизаціи въ предѣлахъ Башкиріи.

О томъ, какъ распространялась цивилизація въ краѣ: сначала въ окрестностяхъ города, затѣмъ въ уѣздѣ и, наконецъ, въ губерніи, какъ завязывались изъ Уфы сношенія русскихъ съ инородцами, культурныя и торговыя, какое вліяніе оказывали русскіе на инородцевъ, какъ происходила правительственная и частная колонизація въ Уфимскомъ краѣ, — объ этомъ въ слѣдующемъ очеркѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Ефремовъ.

Изъ исторіи Уфимскаго края.

Уфимскій край въ концѣ XVI и въ XVII в.в.

Среди восточныхъ окраинныхъ областей Московскаго Государства въ XVI - XVII в.в. становится довольно извѣстной область нынѣшней Уфимской губерніи,—тогда Уфимскій уѣздъ. Въ дѣлахъ посольскаго приказа, въ „отпискахъ" воеводъ по управленію городами бывшаго Казанскаго царства, въ разрядныхъ и переписныхъ книгахъ Уфимскій край упоминается все чаще и чаще. Волненія инородцевъ, нашествія калмыцкихъ и киргизскихъ ордъ, попытки Сибирскихъ и Казанскихъ царевичей, волнуемыхъ призраками угаснаго величія создать въ предѣлахъ Башкиріи татарское царство,—наконецъ, въ то же самое время безпрерывное осѣданіе русскихъ, установленіе гражданскихъ порядковъ, распространеніе христіанства и начало земледѣльческой культуры,—все это требовало большихъ заботъ отъ Московскаго правительства. XVI и XVII в.в. въ исторіи Уфимскаго края были временемъ перелома быта въ его населеніи, моментомъ зарожденія цивилизаціи, явившейся слѣдствіемъ распространенія болѣе культурнаго, чѣмъ туземцы, населенія русскаго.

Характерной особенностію разсматриваемаго періода въ исторіи Уфимскаго края является преобладаніе состоянія движенія (динамическаго) надъ состояніемъ покоя (статическимъ). Вотъ почему и въ картинѣ жизни Уфимскаго края въ это время первоначальнаго населенія русскихъ легче опредѣлить общіе факты этого явленія, а не слѣдствія и обстановку ихъ дѣйствія.

Какъ было указано въ предыдущемъ очеркѣ, заселеніе Уфимскаго края русскими начинается съ окрестностей города Уфы. Первоначальныя поселенія вокругъ Уфы, какъ и всякаго окраиннаго города въ ту эпоху, своимъ возникновеніемъ обязаны были служилымъ людямъ (боярскимъ дѣтямъ, дворянамъ, стрѣльцамъ). Извѣстно, что Московское правительство, основывая какой-либо городъ, раздавало свободныя земли вокругъ этого города служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ для ихъ прокормленія. Такія помѣстья и служили зерномъ, изъ котораго развивались селенія и деревни. Доказательство этого положенія для Уфимскаго края из-

слѣдователь исторіи Уфимскаго дворянства, В. А. Новиковъ, видитъ въ географической номенклатурѣ окрестностей г. Уфы,—въ существованіи около города селеній, досёлѣ сохранившихъ названія фамилій первыхъ владѣльцевъ земель, на которыхъ они возникли [1]), а именно—Аничкова, Волкова, Тарбѣева, Уракова, Лопатина, Каловка, Гладышева и т. д. Земли служилыхъ людей со всѣхъ сторонъ окружали Уфу на протяженіи 30—40 в. отъ черты городскихъ владѣній.

Служилые люди были первыми землевладѣльцами и земледѣльцами въ краѣ. Недостаточность рабочихъ рукъ заставляла большинство изъ нихъ лично обрабатывать пожалованныя имъ дикія поля и пустопорожнія земли. Такихъ служилыхъ землевладѣльцевъ-земледѣльцевъ въ XVII в. въ Уфимскомъ краѣ было немного, всего 101 фамилія [2]); но роль ихъ въ исторіи русской колонизаціи этого края велика. Вотъ почему, говоря о роли русскаго населенія въ политическомъ, культурномъ и экономическомъ развитіи Уфимскаго края, приходится упомянуть прежде всего о служиломъ сословіи, такъ какъ поселеній другихъ сословій въ краѣ было немного.

Въ историческихъ документахъ XVII в. упоминаются слѣдующія крестьянскія селенія: Красный Яръ, Богородское, Государственные Дуванеи, Монастырскіе Дуванеи, Сорвиха, Старый Енгалышъ, Чесноковка и Емашевка [3]), всего 8 селеній. Селенія эти основаны большею частію выходцами изъ центральныхъ областей Московскаго государства. Можно предположить, что возникшія въ древнѣйшее время въ Уфимскомъ краѣ русскія поселенія выростали вблизи, или даже на мѣстѣ прежнихъ инородческихъ поселеній. Подтвержденіе этого можно видѣть въ названіяхъ нѣкоторыхъ древнихъ селъ Уфимской губерніи, какъ, напр., Кадымцево (с. Богородское въ 18 в. отъ г. Уфы) и Челны (Челнинскій починокъ 17 в. —Татарскія Челны), на Камѣ въ Мензелинскомъ уѣздѣ. Упомянутыя селенія, по всей вѣроятности, татарскаго происхожденія, такъ какъ древнѣйшіе обитатели Уфимскаго края, башкиры, не знали ни городовъ, ни селеній и вели кочевой образъ жизни [4]). Итакъ служилые люди были піонерами русской колонизаціи въ краѣ и первыми въ немъ землевладѣльцами.

На ряду съ ними, въ дѣлѣ русской колонизаціи въ Башкиріи принимаютъ участіе и монастыри. Монастырское землевладѣніе въ Уфимскомъ краѣ появляется очень рано. Еще въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго и сына его Ѳеодора Іоанновича часть земель по рѣкамъ Бѣлой и Камѣ была отдана во владѣніе нѣкоторымъ монастырямъ; такъ, напр., были участки, принадлежавшіе Московскому Савва-Сторожевскому монастырю и Свіяжскому Рождественскому; а при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ къ Успенскому мужскому монастырю въ Уфѣ были приписаны крестьяне села Чесноковки и Дуванеи въ числѣ 271 душъ, которые и оставались съ нимъ до 1764 года [5]).

[1]) Сборникъ мат. для ист. Уф. двор. В. А. Новикова изд. 1904 г. стр. 19.
[2]) Ibidem, стр. 26.
[3]) Ibidem, стр. 24.
[4]) См. В. Витевскій. Н. Неплюевъ и Оренбургскій край, Казань 1889 г. стр. 125.
[5]) См. Рычковъ. Топогр. Орен. губ. 375 стр. В. Н. Витевскій, Неплюевъ и Оренб. край, вып. III стр. 376.

Извѣстно, что старинные русскіе монастыри, были руководителями не только духовной жизни населенія, но и чисто-хозяйственной. Рѣдкій поселенецъ на новомъ мѣстѣ не нуждался въ помощи на обработку пашни, расчистку луга, устройство рыбной ловли при рѣкѣ или озерѣ. Помощь эту легче всего было найти въ монастырѣ: обычно монастыри и ссужали въ домѣ поселенцевъ нужными имъ земледѣльческими орудіями, скотомъ, деньгами и пр. Къ тому же, Московскіе цари, жалуя монастырямъ земли, ставили условіе, чтобы монастыри обрабатывали и заселяли пожалованныя земли, привлекая туда крестьянъ [1]). Въ цѣляхъ созданія на монастырскихъ земляхъ льготныхъ условій для поселенцевъ—Московское правительство освобождало монастырскихъ крестьянъ отъ всякихъ казенныхъ сборовъ и налоговъ, а равно отъ подсудности мѣстнымъ свѣтскимъ властямъ. Вотъ почему монастырскія земли обычно были хорошо населенными. Такъ было, какъ увидимъ ниже, и въ Уфимскомъ краѣ.

Если къ служилому и монастырскому землевладѣнію присоединить еще дворцовыя земли, то получимъ слѣдующіе типы селеній: села дворцовыя, монастырскія, помѣщичья и государственныя.

Въ 1647 г. въ предѣлахъ нынѣшней Уфимской губерніи была произведена перепись [2]). Данныя этой переписи чрезвычайно важны: они представляютъ картину разселенія русскихъ въ Уфимскомъ краѣ и обрисовываютъ экономическій бытъ и соціальныя отношенія въ средѣ поселенцевъ.

Въ Уфимскомъ уѣздѣ [3]), по даннымъ этой переписи, было всего 74 селенія [4]), а въ нихъ 688 дворовъ съ 2282 человѣкъ мужскаго пола. Между владѣльцами населеніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

	Помѣщ.	Монас.	Селеній.	Дворовъ. Кр.	Боб.	Каб.	Людей м. п.
а) въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ и деревняхъ			17	433 (25 пустыхъ).			1516
б) за помѣщиками и монастырями всего 98 деревень и пустошей, въ томъ числѣ населенныхъ помѣщичьими крестьянами	51	—		233	—	3	
Монастыря Уфимск. Успенскаго .	—	2	55	—	18	—	689
Вверхъ по Камѣ мон. Богородицы Казанскія	—	2		—	—	—	
Сверхъ того при одной усадьбѣ дворовыхъ и крѣпостныхъ показано . .			—	—			9
в) Варницы на Усольѣ (близь Уфы) на откупу у Андрея Жигулева			1	—			65 (гулящихъ)
г) Мельничный дворъ			1	1			3
Итого . .			74	688			2282

---

[1]) Князьковъ. Изъ прошлаго русской земли. М. 1907 г стр. 514.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи въ матер. Волкова т. I. д. I. отд. III.

[3]) Тогдашній Уфимскій уѣздъ состоялъ изъ нынѣшней Уфимской губерніи, большей части Верхне-Уральскаго, Троицкаго и Челябинскаго уѣздовъ Оренбургской губерніи, а также Осинскаго уѣзда Пермской губерніи.

[4]) Вмѣстѣ съ опустѣвшими 104.

Здѣсь необходимо оговориться, что употребляемыя въ переписи названія „селеніе“, „деревня“ не соотвѣтствують нашему пониманію этого слова. Это скорѣе были хутора, состоящіе очень часто изъ одного, двухъ, трехъ дворовъ и принадлежащіе большею частію одному семейству. Но эти хутора были зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи выросли цѣлыя села. Семейство, вслѣдствіи естественнаго размноженія, увеличивалось, нѣкоторые члены его выдѣлялись, строили свои дворы; хутора, такимъ образомъ, разрастались въ „починки“, „новые починки“ и т. д. Обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что почти всѣ поселенія въ Уфимскомъ уѣздѣ 17 в. стояли при рѣкѣ или озерѣ. Рѣка Уфа, Бѣлая, Кама, Дема съ ихъ притоками направляли русскую колонизацію въ Башкиріи. Помимо значенія рѣкъ, какъ наиболѣе удобнаго средства сообщенія, въ данномъ случаѣ несомнѣнно имѣли мѣсто и другія хозяйственныя выгоды: луга, рыбныя ловли, мельницы и т. п.

Соціальныя отношенія въ краѣ по даннымъ упомянутой переписи представляются въ значительной степени дифференцированными. Въ Уфимскомъ уѣздѣ были такія же категоріи крестьянства, какъ и въ другихъ мѣстахъ Московскаго государства: бобыли, кабальные, закладные, наймиты, захребетники, подсосѣдники и т. п. Заслуживаетъ вниманія для характеристики экономическаго быта крестьянства тотъ фактъ, что „бобыльскихъ“ и „кабальныхъ“ дворовъ было очень мало: „бобыльскихъ“ 18, а „кабальныхъ“ всего 3 двора [1]). Положеніе „кабальныхъ“ людей въ Уфимскомъ краѣ было лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Московскаго государства. Здѣсь, при недостаточности рабочихъ рукъ и обиліи пусто порожнихъ земель, можно было выговорить гораздо болѣе выгодныя условія, чѣмъ въ центрѣ государства. Поэтому „сходцы“ и „бѣглецы“, садившіеся на земли Уфимскихъ служилыхъ людей, давали на себя (на общихъ основаніяхъ за пользованіе хозяйственнымъ инвентаремъ) „кабальныя записи“ не на „пожизненное владѣніе“, а на опредѣленный срокъ съ сохраненіемъ свободы [2]).

Крѣпостныхъ крестьянъ въ Уфимскомъ краѣ въ разсматриваемое время было весьма мало. Хотя упомянутое въ переписи число 9 крѣпостныхъ душъ муж. пола, по всей вѣроятности, и меньше дѣйствительнаго, тѣмъ не менѣе число крѣпостныхъ не могло быть значительно въ это время.

Какъ видно изъ приведенной выше таблицы, Уфимскій уѣздъ былъ очень бѣденъ населеніемъ, и правительство, поэтому, очень скупо надѣляло помѣщиковъ крестьянами, давая имъ одинъ, два, много три двора. Отъ жалованныхъ помѣщикамъ крестьянъ правительство требовало, чтобы они „помѣщика своего слушали, пашню на него пахали и доходъ ему платили“ [3]).

Положеніе крестьянина въ значительной степени обусловливалось тѣмъ, на чьей землѣ онъ поселялся: дворцовой, монастырской или помѣщичьей.

[1]) Матер. Волкова 1 д. I т. III отд.
[2]) См. „Сборн. мат.“ Новик. стр. 27.
[3]) Ibid 26 стр.

Съ этой точки зрѣнія интересно прослѣдить колебаніе цифры дворовъ по тѣмъ даннымъ, которыя относятся къ селеніямъ Уфимскаго уѣзда 17 вѣка.

Въ переписи по Уфимскому уѣзду упомянуты: а) село Богородское (Кадымцево)—на рѣкѣ Бѣлой; въ этомъ селеніи было дворовъ 39, людей 165, а въ деревняхъ и починкахъ, принадлежавшихъ этому селенію —дворовъ 9, людей 27; б) село Челны („Челнинскій починокъ") на р. Камѣ вмѣстѣ съ деревнями и починками имѣло дворовъ 119, людей 424; в) деревня Биръ на р. Бѣлой--дворовъ 27, людей 121. Поселенія эти были дворцовыми, чѣмъ и объясняется сравнительно большое количество дворовъ въ нихъ, такъ какъ на дворцовыхъ земляхъ крестьянамъ жилось гораздо „вольготнѣе", чѣмъ на земляхъ помѣщичьихъ[1]). По этимъ же причинамъ были болѣе населенными и деревни монастырскія. Такова, напр., деревня Чесноковка (на р. Чесноковкѣ, притокъ р. Бѣлой) за Уфимскимъ Успенскимъ монастыремъ. Въ ней указано дворовъ 29, людей 81. Помѣщичьи деревни не пользовались льготами въ отношеніи отбыванія повинностей.

Служба уфимскихъ помѣщиковъ, вслѣдствіе частыхъ волненій въ краѣ и близости безпокойныхъ сосѣдей, была очень тяжела, что отражалось крайне невыгодно на положеніи крестьянъ. Вотъ почему въ помѣщичьихъ селеніяхъ было очень мало дворовъ и людей въ нихъ. По переписи 1647 года изъ 51 помѣщичьяго поселенія 33 деревни не имѣютъ ни одного крестьянскаго двора, изъ остальныхъ 18 деревень только въ селеніяхъ двухъ помѣщиковъ. Село Покровское, внизъ Тулвы рѣки [2]), служилаго человѣка Андрея Крылова имѣло 28 дворовъ и въ нихъ 96 человѣкъ. И деревня Енурусовка на р. Юрмашъ[3]) служилаго человѣка Енуруса Иванова Каловскаго имѣла 23 крестьянскихъ двора, 3 бобыльскихъ и 64 человѣка въ нихъ; въ 8 деревняхъ было только по 1 двору, а въ остальныхъ 8 отъ 2 до 7 дворовъ.

Образованіе русскихъ поселеній въ краѣ шло различными путями: переселеніемъ изъ центра государства крестьянъ группами семей (такъ образовался старый Енгалышъ, заселенный крестьянами изъ Пензенской губ.) [4]), скопленіемъ бѣглыхъ изъ внутреннихъ губерній (с. Вознесенское, или Чесноковка и Емашевка) [5]), насильственнымъ прикрѣпленіемъ гулящихъ людей къ владѣльцамъ и т. п. [6]).

Русскому населенію въ Уфимскомъ краѣ съ первыхъ же шаговъ его историческаго выступленія пришлось столкнуться съ инородческими элементами, среди которыхъ первое мѣсто принадлежало башкирамъ. Чтобы уяснить результаты этого столкновенія, необходимо остановиться, хотя бы

---

[1]) См. М. Дьяконовъ. Очерки изъ исторіи сельск. населенія въ Россіи въ XVI—XVII в.
[2]) По верхн. теченію р. Уфы.
[3]) Юрмашъ—притокъ р. Уфы.
[4]) См. списки населен. мѣстъ Россійск. Имперіи. Уфимск. губ. 1877 г.
[5]) Тамъ-же.
[6]) Въ переписи 1647 г. отмѣчено нѣсколько подобныхъ случаевъ захвата со стороны откупщика соляныхъ варницъ подъ Уфой, Андрея Жегулева, закрѣплявшаго за собой не только Уфимскихъ гулящихъ людей, но и „гулящихъ" людей Казанскаго уѣзда и даже Новгородской области, шелонской пятины. См. въ матер. Д. С. Волкова—указ. мѣсто.

вкратцѣ, на бытѣ башкирскаго населенія XVI—XVII в. и на его культурномъ состояніи. Извѣстно, что башкиры въ это время дѣлились на дороги: Казанскую, Сибирскую, Осинскую и Ногайскую (въ сосѣдствѣ съ Киргизскими степями). Каждая дорога состояла изъ волостей, волость—изъ родовъ, родъ изъ семей (аймаковъ), управлявшихся своими старѣйшинами. Относительно количества башкиръ въ 17 в. сохранились слѣдующія цифровыя данныя. Въ 1629 году ясачныхъ башкиръ въ Уфимскомъ уѣздѣ считалось 888 дворовъ, а людей мужского пола по даннымъ 1635—1636 г.г. 2217 ч. [1]). Цифры эти, несомнѣнно, меньше дѣйствительныхъ, такъ какъ, при тогдашнемъ полубродячемъ и безпокойномъ состояніи башкиръ, невозможно было собрать точныхъ свѣдѣній объ ихъ количествѣ. Въ отношеніи къ русскому правительству башкиры дѣлились на три категоріи: ясачные, служилые и тарханы. Первые, какъ видно изъ самаго названія ихъ, платили опредѣленную подать (ясакъ), вторые служили въ Уфѣ или въ другихъ мѣстахъ по назначенію Уфимскихъ воеводъ и, наконецъ, тарханы въ отбываніи и пользованіи правами занимали среднее положеніе между тѣми и другими. Тарханы, какъ и служилые башкиры, состояли на службѣ государству, но за службу не получали помѣстій и денежнаго жалованья, а лично обработывали землю, не платили ясака и пользовались привиллегіей: „гдѣ бы хотѣли землею владѣть, сѣно косить и рыбу ловить, въ томъ ясачники спорить не могли, только бортныхъ угодій и бобровыхъ гонъ не касались“ [2]). Служилые башкиры должны были испытывать на себѣ наибольшее вліяніе русскихъ, входя съ ними въ непосредственныя отношенія [3]). Изъ „тархановъ“ произошли многіе дворянскіе роды Уфимской губерніи [4]). Соприкосновеніе съ русскими не могло не отразиться на бытѣ башкиръ и другихъ инородцевъ края и во многихъ отношеніяхъ преобразовало ихъ жизнь. Это преобразованіе жизни имѣло мѣсто не только въ частностяхъ, но и въ коренной ломкѣ житейскихъ отношеній и всего уклада существованія. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ появленіе въ Уфимскомъ краѣ т. н. „новокрещеновъ“. По даннымъ переписи 1647 года дворы „новокрещеновъ“ были не только въ Уфѣ, но и въ Уфимскомъ уѣздѣ, гдѣ составляли даже деревни (деревня „Нагаева, подъ Черными горами“). Слѣдовательно, подъ вліяніемъ русской колонизаціи инородческое населеніе Уфимскаго края не только переходило отъ кочевого къ осѣдлому образу жизни, но и мѣняло всю систему міропониманія, принимая христіанскую религію.

Фактъ этотъ въ исторіи цивилизаціи восточныхъ окраинъ Московскаго государства имѣетъ громадное значеніе. Правда, до половины XVII в. „новокрещеновъ“ въ Уфимскомъ краѣ было немного, но ихъ существова-

---

[1]) Витевскій. Неплюевъ и Оренбургскій край, стр. 393.

[2]) Ibid. Стр. 386. Матер. Волкова. Рук. Ист. Оренбургск. губ.

[3]) Башкиры обязаны были выставлять для военной службы съ 3-хъ дворовъ по одному человѣку.

[4]) Въ архивѣ Уфимск. дворянск. депутатск. собранія сохранился между прочимъ списокъ тархановъ, составленный при окольничьемъ и воеводѣ Петрѣ Дмитріевичѣ Скуратовѣ въ 1681 году. Сборн. матер. Новикова, стр. 189, прим. 16.

ніе опредѣленно указывало то направленіе, въ которомъ шло вліяніе русскаго населенія. Эпохи перелома народнаго быта обыкновенно характеризуются всевозможнаго рода волненіями и броженіемъ, доставляющимъ много заботъ правительству страны, гдѣ эти явленія происходятъ. Инородческій вопросъ въ Уфимскомъ краѣ въ XVII в. былъ, поэтому, однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ дѣятельности русской администраціи въ краѣ.

Извѣстно, что центромъ управленія въ Уфимскомъ уѣздѣ былъ городъ Уфа съ его приказной и съѣзжей избами, подъ общимъ руководствомъ воеводы. Уфимскимъ уѣздомъ также управляли Уфимскіе воеводы; на нихъ лежали всѣ заботы по устройству края. Изъ наказа царя Алексѣя Михайловича, даннаго воеводѣ Сомову и дьяку Родіонову въ 1664 году [1]), видно, какія мѣры правительство считало необходимыми для правильнаго поступленія государственныхъ доходовъ, охраны мирныхъ жителей отъ степныхъ кочевниковъ, въ особенности калмыковъ, и для урегулированія землепользованія и торговли въ Уфимскомъ краѣ. Въ наказѣ перечисляются различные источники государственныхъ доходовъ: пошлины, взимаемыя съ судебныхъ дѣлъ, ясачные оброки, доходы отъ продажи питей, при чемъ вмѣняется въ обязанность воеводѣ строгій надзоръ за сборщиками и цѣловальниками, дабы оградить отъ притѣсненій „Уфимскихъ всякихъ людей и татаръ, и башкирцевъ". Въ наказѣ также предписывается Уфимскому воеводѣ принятіе охранительныхъ мѣръ отъ калмыцкихъ и ногайскихъ людей и наблюденіе за производствомъ ими торговли, при чемъ къ числу „заповѣдныхъ" для нихъ товаровъ отнесено оружіе холодное и огнестрѣльное. Въ случаѣ производства безпошлинной торговли или торговли запрещенными товарами воеводѣ предоставлено право: — „имати на Великаго Государя да что у ково возмутъ и о томъ писать", т. е. конфисковать запрещенные товары, но „напрасно и ниуково ничево не иматъ и въ томъ насильства не чинить и отовсякихъ людей беречи". Далѣе указывается, какъ служилыхъ людей верстать окладами и какими боевыми припасами снабжать; предписывается принятіе мѣръ къ недопущенію кабальныхъ и закладныхъ записей на людей, а также продажи земель башкирами [2]); указываются отношенія Уфимской администраціи къ башкирамъ и калмыкамъ, дается предписаніе объ укрѣпленіи города Уфы и о выдачѣ государева жалованья новгородскими золотыми башкирцамъ за службу противу сибирскихъ царевичей. Въ концѣ наказа рекомендуется принять опредѣленныя мѣры „противъ бѣглыхъ Уфимскихъ служилыхъ и посадскихъ и всякихъ чиновъ людей и предписывается тщательно охранять права пользованія и владѣнія землями". Такъ сложны были обязанности по управленію Уфимскимъ краемъ. Самымъ трудномъ дѣломъ и самой тяжелой обязанностію Уфимскихъ воеводъ было поддерживать спокойствіе среди инородческаго населенія края: всѣ усилія ихъ въ этомъ отношеніи часто оставались

---

[1]) Сборн. матер. Новикова, стр. 189.

[2]) Запрещеніе продавать башкирскія земли было сдѣлано Соборн. улож. 1649 г.

безплодными. Извѣстно, что почти вся вторая половина XVII в. ознаменована башкирскими волненіями [1]).

На ряду съ воеводскимъ управленіемъ въ Уфимскомъ краѣ въ разсматриваемое время существовало и земское самоуправленіе въ лицѣ земскихъ старостъ, излюбленныхъ головъ и цѣловальниковъ [2]).

Въ документахъ, относящихся къ этому времени, есть указаніе, что въ выборахъ излюбленныхъ головъ, цѣловальниковъ и сборщиковъ по Уфимскому уѣзду принимали участіе уфимскіе посадскіе люди со своимъ земскимъ старостой; крестьяне въ селахъ и деревняхъ въ лицѣ своихъ представителей („старѣйшіе и лутчіе молодчіе люди") также выбирали „цѣловальниковъ" [3]).

Такимъ образомъ, по административному устройству Уфимскій край не выдѣлялся изъ другихъ окраинныхъ городовъ и областей Московскаго государства: административная дѣятельность Московскаго правительства выражалась здѣсь въ обычныхъ для нея формахъ.

Относительно хозяйственнаго развитія Уфимскаго края въ XVI—XVII в.в. можно сказать слѣдующее. Населеніе его находилось еще въ тѣхъ формахъ экономической дѣятельности, которыя характеризуются преобладаніемъ хищнической эксплоатаціи зоологическихъ и растительныхъ богатствъ (звѣроловство, бортное пчеловодство, рыбная ловля, земледѣліе). Это особенно замѣтно на хозяйственной дѣятельности башкиръ, которые платили даже ясакъ шкурами звѣрей и медомъ [4]).

Русскій поселенецъ въ Уфимскомъ краѣ встрѣчалъ непочатыя лѣсныя, водныя и земельныя угодья, а при такихъ условіяхъ естественно было стремленіе получать возможно большее количество продуктовъ съ наименьшей затратой труда. Вотъ почему въ земледѣліи, составлявшемъ главнѣйшую отрасль хозяйственной дѣятельности русскаго населенія въ краѣ, господствовали экстенсивныя системы, — переложная и подсѣчная.

Во второй половинѣ XVII в. начинается разработка минеральныхъ богатствъ въ Уфимскомъ краѣ. Кромѣ существованія уже упомянутыхъ соляныхъ варницъ подъ Уфой, въ документахъ того времени есть указаніе на разработку желѣзной руды въ 130 верстахъ отъ Уфы по ногайской дорогѣ [5]). Само собой понятно, что горное дѣло въ Уфимскомъ краѣ было очень слабо развито и очень мало напоминало то оживленіе въ этой отрасли хозяйственной дѣятельности, которое замѣтно потомъ, въ петровскую эпоху. Усиленная эксплоатація минеральныхъ богатствъ обычно начинается по истощеніи зоологическихъ и ботаническихъ запасовъ природы, а до этого въ Уфимскомъ краѣ въ XVI—XVII в.в. было еще очень и очень далеко.

---

[1]) См. Истор. Оренб. губ. А. Алекторова, изд. 2, Оренбургъ, стр. 12 и далѣе ср. рук. ист. Оренбургск. губ. въ матер. Д. С. Волкова.

[2]) Архивъ Мин. Юстиціи. По г. Уфѣ Столб. № 841. Матер. Волкова II д., II т., стр. 172.

[3]) Тамъ же, стр. 173.

[4]) Витевскій, стр. 126.

[5]) См. матер. Волкова. Стб. по Уфѣ, № 1146 II д. II т., стр. 157.